

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЕР

Мюриель
Барбери

ЖИЗНЬ ЭЛЬФОВ

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Б 24

Muriel Barbery
LA VIE DES ELFES
Copyright © Éditions GALLIMARD, Paris, 2015

Перевод с французского Аллы Беляк
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-10588-1

© А. Беляк, перевод, 2015
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2015
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Себастьяну

*Посвящается
Арти, Елене, Мигелю, Пьеру и Симоне*

ПЕРСОНАЖИ

БУРГУНДИЯ

Ферма «У оврага»

Мария Фор

Андре Фор, ее отец, крестьянин

Роза Фор, ее мать

Евгения и Анжела, двоюродные бабушки
со стороны Андре

Жанетта и Мария, троюродные бабушки
со стороны Розы

Ферма Марсело

Эжен Марсело, крестьянин

Лоретта Марсело, его жена

Селение

Отец Франциск, кюре

Жанно, почтальон

Поль-Анри по прозвищу Риполь, кузнец

Леон Сора-старший, крестьянин

Леон и Гастон-Валери, его сыновья

Анри Фор, по прозвищу Рири, лесничий

Жюль Леко по прозвищу Жюло, староста селения
и старший путевой обходчик

Жорж Эшар по прозвищу Шашар, шорник
и седельщик

МЮРИЕЛЬ БАРБЕРИ

АБРУЦЦИ

Приходский дом

Клара Ченти

Падре Ченти, ее приемный отец, священник
из Санто-Стефано

Алессандро Ченти, младший брат священника
и друг Пьетро Вольпе

Старуха-прислужница

Деревня

Паоло по прозвищу Паолино, пастух

РИМ

Вилла Аччиавати

Густаво Аччиавати, Маэстро

Леонора Аччиавати, его супруга, в девичестве
Вольпе

Петрус, необычный слуга

Вилла Вольпе

Пьетро Вольпе, негоциант, торговец произведени-
ями искусства, шурин Густаво Аччиавати

Роберто, его отец (к моменту действия — покойный)

Альба, его мать

Леонора, его сестра

Вилла Клементе

Семейство Клементе, богатые римские патриции

Марта, их старшая дочь (покойная), великая
любовь Алессандро

Тереза, младшая дочь (покойная), виртуозная
пианистка

Римский Капитолий

Рафаэле Сантанджело, Губернатор, Правитель
Рима

ЖИЗНЬ ЭЛЬФОВ

МИР ТУМАНОВ

Глава совета Туманов (в облике серого коня/
зайца)

Страж Храма Туманов (в облике белого коня/
вепря)

Маркус и Паулус, друзья Густаво Аччиавати
и Петруса

Элий, вождь неприятелей

РОЖДЕНИЯ

Малютка из Испанских земель

В свободное время девочка чаще всего сидела среди ветвей. Когда не знали, где она, шли к деревьям. Сначала к большому вязу, что нависал над северной пристройкой и где она любила мечтать, следя за жизнью фермы, потом к старой липе, которая росла в саду кюре возле низкой прохладной каменной ограды, и наконец — чаще всего зимой — к дубам у западного оврага ближнего поля, где на взгорке высились три таких исполина, краше которых во всем крае не найдешь. Малышка просиживала на деревьях все время, которое могла урвать от деревенской жизни, состоявшей из учебы, еды и походов в церковь. Порой она брала с собой каких-нибудь друзей, и те дивились устроенным ею навесным мосткам и проводили там славные денечки, болтая и смеясь.

Как-то вечером она сидела на нижней ветви среднего дуба. Овраг уже наполнялся тьмой, и она знала, что сейчас за ней придут, чтобы увести в тепло дома, поэтому решила, что лучше срезать напрямик через луг и заодно проведать соседских барашков, и пустилась в путь сквозь

густеющий туман. Между контрфорсами отцовской фермы и границей владений Марсело она знала каждую кочку и могла бы закрыть глаза и, как по звездам, ориентироваться по колдобинам полей, зарослям тростника у ручья, камням на дороге и отлогим склонам холмов. Но по какой-то совершенно особой причине она широко раскрыла глаза. Совсем рядом с ней, в тумане, шел кто-то, от чьего присутствия странно сжималось сердце и в воображении рождались удивительные картины. Ей привиделся белый конь в отливающей золотом роще и блестящая под высокими кронами деревьев дорога, вымощенная черными камнями.

Надо бы рассказать, что это был за ребенок — тем более, что случилось такое примечательное событие. Все шестеро взрослых обитателей фермы — отец, мать, две престарелые тетушки и две бабушкины кузины — обожали ее. Ее отличало очарование, не похожее на прелесть детей, чье раннее детство было безоблачным, на ту прелесть, что рождена из доброго замеса неведения и счастья. Нет, это скорее напоминало радужное сияние, которое становилось заметно, стоило ей пошевелиться. Жившие среди пастбищ и лесов соседи сравнивали это сияние с колыханием густых крон. Самая старшая из тетушек, имевшая чрезмерную склонность к необъяснимому, полагала, что в малышке есть что-то сверхъестественное. Впрочем, все сходились на том, что для такого маленького ребенка двига-

ется она странно, словно увлекая за собой невидимый трепещущий воздух, как стрекозы или вербы на ветру. А в остальном — девочка как девочка: темноволосая и очень подвижная, худенькая, но грациозная; глаза как два сверкающих обсидиана, кожа матовая, почти смуглая, на высоких, чуть славянских скулах играет румянец; и наконец, ярко-алые губы изумительной формы. Загляденье. А что за характер! Все бы ей бегать по полям, падать в траву и лежать там, глядя в огромное небо, или шлепать по ручьям босиком, даже зимой, когда вода холодит или кусается. А потом с важностью епископа повествовать всем о важных и ничтожных событиях своих вольных дней. И при этом легкая грусть, какая бывает у тех, чей разум превосходит восприятие и кто по каким-то приметам, присутствующим повсюду, даже в таких укромных, хоть и весьма бедных местах, где она выросла, уже предчувствует человеческие трагедии. И вот эта-то юница, пылкая и скрытная, ощутила рядом с собой в предвечернем тумане присутствие кого-то невидимого, про кого знала — тверже, чем от кюре про Бога сущего, что этот кто-то одновременно дружелюбный и сверхъестественный. Так что, вместо того чтобы испугаться, она шагнула к нему, направляясь по намеченному пути, к барашкам.

Что-то или кто-то взял ее за руку. Как будто широкая лапища, обвитая чем-то мягким и теплым. Ее рука словно бы потонула в этом неж-

ном обхвате. Но ни один человек не мог с такой силой сжать ладонь, все впадины и выпуклости которой она ощущала сквозь шелковистый покров как лапу гигантского вебря. Тут они почти под прямым углом свернули влево, и девочка поняла, что, обходя барашков и ферму Марсело, они направляются к рощице. Там была заросшая чудной плотной и влажной травой пустошь. Она отлого поднималась к изрезанному тропками холму и вливалась в прекрасную тополиную рощу с морем земляники и ковром из барвинков. Еще недавно каждое семейство имело там свою вырубку и с первым выпавшим снегом запасалось дровами. Увы, прошло то время, но сегодня мы о нем говорить не будем, чтобы не огорчаться или по забывчивости. А также потому, что в этот час малышка бежит навстречу судьбе, крепко сжимая лапу гигантского вебря. Тот вечер пришелся на осень, мягче которой давно не бывало. Яблоки и груши все не закладывали в погреба сушиться на деревянных слегах, а опьяневшая от садовых соков мошкара дни напролет дождем падала с неба.

И еще стояла в воздухе какая-то истома, ленивый вздох, безмятежная уверенность в том, что ничто не кончается, и хотя люди по привычке, без продыху и без жалоб, продолжали работать, они втайне наслаждались этой нескончаемой осенью, приказывавшей им не забывать любить.

Но вот у опушки восточного леса снова произошло неожиданное событие. Начался снегопад. Снег пошел внезапно, и не робкими мохнатыми снежинками, мелькающими в серой мгле и едва успевающими коснуться земли, прежде чем растаять. Нет, летели плотные хлопья размером с бутон магнолии, образовавшие непроходимую завесу. Около шести в деревне все были сильно удивлены: отец, который колол дрова в одной бумазейной рубаше, Марсело, который выгуливал свору собак возле пруда, Жанетта, месившая квашню, и все остальные, кто под конец осени, мечтая об утраченном счастье, хлопотал по хозяйству, сновал по двору туда-сюда кто с кожей, кто с мукой, кто с сеном. Да, все были застигнуты врасплох и теперь задвигали засовы на дверях хлевов, загоняли овец и собак, предвкушая то, что почти столь же приятно, как чудесная осенняя ленца: к первым посиделкам у очага, когда снаружи чертовски метет.

Готовились и размышляли. А размышляли — из тех, кто помнил, — об одном осеннем вечере тому десять лет назад, когда внезапно повалил снег, да так, словно небо вдруг раскрошилось белоснежными опилками. А особенно задумались об этом на ферме у девочки, где только что обнаружили, что ее нет, и где отец нахлобучил меховую шапку и натянул охотничью куртку, от которой за сто метров несло нафталином.

— Только бы у нас ее не отняли, — прошептал он, прежде чем скрыться во тьме.

Он стучал в двери домов, где жили другие фермеры, шорник и седельщик, деревенский голова, который был также старшиной дорожных обходчиков, лесничий и другие. И повсюду, прежде чем отправиться к следующей двери, говорил одно и то же: *малышка пропала!* И у него за спиной хозяин дома кричал, чтоб ему дали охотничью куртку или самое теплое пальто, подпоясывался и нырял в снежную бурю. Так что их собралось пятнадцать человек в доме у Марсело, жена которого уже приготовила свиные шкварки и кувшин горячего вина. Все это смели за десять минут, перемежая еду боевыми наказами, не многим отличавшимися от тех, что раздаются утром в день охоты. За тем исключением, что передвижения диких кабанов тайны не составляли, а вот девочка была непредсказуемей чертенка. Просто у отца, как и у остальных, было на этот счет свое мнение, потому что в тех краях, где мирно уживаются Господь Бог и легенды и где чертей подозревают в разных каверзах, о которых давно позабыл городской человек, люди не верят в случайные совпадения. В наших местах, видите ли, в беде лишь изредка призывают на помощь разум, а скорее полагаются на глаз, ногу, интуицию и упорство. Именно так поступили мужчины в тот вечер, потому что вспомнили похожую ночь ровно десять лет назад, когда они шли по тропе в гору, ища того, чьи следы вели прямо к опушке восточного леса. Однако отец больше всего

опасался, что, придя на место, парни будут только хлопать глазами, креститься и качать головой, точь-в-точь как тогда, когда следы внезапно оборвались в центре круга и все уставились на гладкий, как кожа новорожденного младенца, снег, нетронутый и безмолвный, по которому — охотники готовы были в том поклясться — дня два никто не ступал.

Ладно, пусть себе продираются сквозь снежную бурю.

Малышка добралась до опушки. Шел снег. Ей совсем не было холодно. Тот, кто привел ее сюда, заговорил с ней. Это был высокий и прекрасный белый конь, от его спины и боков в вечернем воздухе поднимается пар и светлым туманом заволакивает все стороны света — к западу, где синее Морван, к востоку, где сжали хлеб без единого дождя, к северу, где раскинулась равнина, и к югу, где люди с трудом идут в гору, увязая в снегу по бедра, и сердца их сжимает тревога. Да, высокий прекрасный белый конь с руками и ногами, да еще и с пегушиными шпорами. И он не конь, не человек, не вепрь, а одновременно все они, только составляющие их части подвижны — лошадиная голова вдруг становится человеческой, а тело одновременно удлиняется и обзаводится конскими копытами, которые сокращаются до поросячьих ножек, а потом вырастают до размера

кабаньих. И все это продолжается бесконечно, а малышка сосредоточенно следит за этой пляской сущностей, которые перекликаются и смешиваются, прокладывая путь знанию и вере. Он ласково заговорил с ней, и туман изменился. И тогда она увидела. Девочка не понимала, что он говорит, но видела снежный вечер, такой же, как нынешний, в том же селении, где расположена ее ферма, и на крыльце, на близине снега, что-то белело. И это что-то — она сама.

Все без исключения вспоминали об этом всякий раз, как встречали эту малышку, трепещущую, словно цыпленок, биение жизни которого не скрывает легкий пушок его детского оперения. Тетушка Анжела как раз собралась запретить курятник, когда обнаружила бедняжку. Со смуглого личика девочки на нее глянули черные глаза, такие огромные и такие явно человеческие, что Анжела так и застыла, а потом опомнилась и закричала: «Дитя в ночи!» А после прижала к себе и унесла в дом — малышку, спасая ее от снежных хлопьев, а снег все падал и падал, неумолимо. Той ночью, попозже, тетушка сообщила: «Меня будто Господь вразумил». После чего умолкла со смутным чувством, что невозможно высказать, как искажается геометрия мира после того, как обнаружен новорожденный младенец в белых пеленочках, как вспыхивают возможности и расщепляются на неведомые траектории, вибрирующие в снежной ночи, а тем временем втягиваются и сокраща-

щаются пространства и времена. Но она хотя бы ощутила это, а труд разобраться препоручила Богу.

Час спустя после того, как Анжела обнаружила девочку, ферма была полна сельчан, которые держали совет, а окрестность — мужчин, идущих по следу. Они двигались по цепочке одиноких шагов, начинавшихся от фермы и поднимавшихся к восточному лесу, едва впечатываясь в снег, в котором мужчины, однако же, увязали едва не по пояс. Дальнейшее известно: придя на опушку, они прекратили преследование и вернулись в селение с грузом весьма темных мыслей.

— Только бы не... — сказал отец.

Больше никто ничего не сказал, но все подумали о несчастной, которая не дай бог, и осенили себя крестом.

Девочка наблюдала за всем этим, лежа в пеленках тонкого батиста, с кружевами неизвестного в округе рисунка, где был вышит крест, согревший сердца бабулек, и два слова на неведомом языке, сильно их напугавшие. Над двумя этими словами тщетно раздумывали все присутствующие, пока не подошел Жанно, почтовый служащий. По причине войны, той самой, откуда не вернулся двадцать один житель селения, коим поставили памятник напротив мэрии и церкви, этому Жанно в прежние времена случилось весьма далеко забраться на территорию

под названием Европа. Для участников спасательной операции она местность представляла собой не более чем розовые, голубые, зеленые и красные пятна на карте в зале мэрии, потому что какая тут Европа, когда строжайшие границы разделяют села, стоящие всего в трех лье друг от друга?

И вот этот Жанно, заявившийся в шапке из снежных хлопьев и тут же получивший от матери чашку кофе, куда она щедро плеснула спиртного, взглянул на вышитую на атласной ткани надпись и сказал:

— Ей-богу, это же по-испански.

— Точно знаешь? — спросил отец.

Славный малый энергично закивал головой, уже отяжелевшей от спиртного.

— И что означает? — снова спросил отец.

— Откуда мне знать? — ответил Жанно, не говоривший по-бусурмански.

Селяне покачали головой и запили известие новой порцией горячительного напитка. Так, значит, малышка из Испанских земель? Ну и ну!

Тем временем женщины, которые, конечно, не выпивали, сходили за Люсеттой, недавно родившейся, и теперь она принялась кормить молоком обоих мальцов, пристроив их к таким же белым, как снег за окном, грудям. И мужчины без всякой задней мысли смотрели на эти прекрасные груди, так напоминающие сахарные головы, что их хотелось лизнуть. И всем казалось, будто на весь мир словно бы снисходит

покой, потому как тут у нас два малыша при-
никли к кормящим сосцам. Вдоволь напившись
молока, малютка славно срыгнула — круглень-
ко, как шарик, и громко, как с колокольни, —
и все засмеялись и стали братски хлопать друг
друга по плечу. Всем полегчало, Люсетта за-
шнуровала корсаж, и женщины подали заячий
паштет на толстых ломтях хлеба, обжаренного
на гусином жире. Все решили, что это грешок
господина кюре, а они удумали оставить девоч-
ку в христианском доме. Все остальное не вы-
звало тех проблем, какие могли бы возникнуть
в иных местах, если б испанская девочка свали-
лась там на крыльцо кому ни попадя.

— Ну, — сказал отец, — по мне, так малют-
ка у себя дома, — и посмотрел на мать, которая
улыбнулась в ответ. Потом посмотрел на каж-
дого из гостей, которые были не в силах отвести
сытый взгляд от младенцев, уложенных на одея-
ле возле большой печи. И наконец посмотрел
на господина кюре с лоснящимся от паштета из
зайчатины и гусиного жира лицом. Тот встал
и приблизился к печи.

Все повскакали со своих мест.

Мы не станем повторять здесь благослове-
ние деревенского кюре, вся эта латынь — ко-
гда лучше бы было хоть немного знать испан-
ский — запутает нас вконец. Но они встали,
кюре благословил малышку, и каждый понял,
что эта снежная ночь исполнена благодати. Все
помнили рассказ одного старожила про такую
сильную стужу, что если не замерзнешь, так по-

мрешь от страха. Это случилось во время последней кампании, из которой они вышли с победой и вечным проклятьем — памятью о павших. Той последней кампании, когда колонны двигались вперед в лунных сумерках и когда сам он уже не понимал, существовали ли когда-то дороги его детства, и лещина у поворота, и рой пчел на Иванов день... Да, он перестал что-либо понимать, и все остальные тоже, потому что тогда было так холодно, так холодно... невозможно вообразить, что за участь им выпала. Но на рассвете после той ужасной ночи, когда мороз валил храбрецов, которых не смог сломить враг, внезапно начался снегопад, и этот снег... он был словно искупление мира, потому что дивизии больше не будут замерзать до смерти и скоро все почувствуют чудесное и долгожданное прикосновение оттепели.

Малютка не чувствовала холода, не больше, чем солдаты в последнюю кампанию или парни, вышедшие на опушку и замершие, как собаки в стойке на охоте. Позднее они не смогут четко вспомнить то, что видели ясно, как днем, и на все вопросы станут отвечать неопределенным тоном человека, пытающегося где-то в глубинах сознания обнаружить смутное воспоминание. Чаще всего они будут просто говорить:

— Там малютка стояла посреди черт-те какой пурги, но она была живехонька и теплехонька и болтала со зверем, который потом ушел.

— Что за зверь? — будут спрашивать женщины.

— Да уж такой зверь, — ответят они.

А поскольку дело происходит в таких местах, где Бог и легенда и так далее, то этим ответом все удовлетворятся и будут просто беречь девочку, как сам Гроб Господень.

Поразительно человеческий был зверь, это ощущал каждый, глядя на вихрящиеся вокруг малютки волны, такие же видимые, как полотно. И зрелище это было им внове и вызывало у них странную дрожь, как будто жизнь внезапно распахнулась настежь и можно наконец заглянуть внутрь. Но что можно увидеть внутри жизни? Видны деревья, роща, снег, может быть, мост и пейзажи, что проносятся мимо, так что взгляд не способен удержать их. Видно тяжкий труд и легкий ветерок, времена года и страдания, и каждый видит картину, что принадлежит лишь его сердцу, — кожаный ремень с жестяной пряжкой, край поля, где боярышника целый полк, морщины на лице любимой и улыбку девочки, рассказывающей историю про лягушек. Потом видение исчезло. Мужчины потом скажут, что мир вдруг снова шлепнулся с головы на ноги — с такой отдачей, что их даже качнуло, — после чего они увидели, что туман над опушкой рассеялся, повалил такой снег, что можно провалиться по пояс, и что малышка стоит одна в центре круга, где других следов, кроме нее, — нет. Тогда все спустились к ферме. Девоч-

ку усадили перед чашкой горячего молока, а мужчины поспешно отставили ружья, потому что их ждала грибная жареха, паштет из требухи и десять бутылок вина из погреба.

Вот история девочки, которая крепко держалась за лапу гигантского вепря. По правде сказать, никто не смог бы объяснить смысл случившегося. Но надо сказать еще кое-что, два слова, вышитые на белой атласной пеленке, ни логики, ни смысла, на прекрасном испанском языке, который малышка выучит, когда покинет село и запустит механизмы судьбы. А кроме того, заметим: всякий человек вправе знать тайну своего рождения. Так молятся в наших церквах и в наших лесах и так пускаются бродить по свету, оттого что родились снежной ночью, получив в наследство два слова из Испанских земель.

*Mantendré siempre*¹

¹ Буду хранить всегда (исп.).

Малышка из Итальянских земель

Те, кто не умеет читать между строк жизни, запомнят только, что малышка выросла в затерянном селении Абруцци под опекой деревенского кюре и его безграмотной старухи-няньки.

Жилище падре Ченти представляло собой высокую каменную постройку с погребями и сливовым садом, где в прохладные часы надолго развешивали белье, чтобы его просушил ветер с гор. Дом стоял посередине деревни, стрелой взмывавшей в небо так, что улицы обматывали холм как нитки плотного клубка, в который кто-то воткнул церковь, постоялый двор и кое-какие каменные строения, приютившие шестьдесят душ. Пробегав весь день на воле, Клара возвращалась к семейному очагу не иначе, как через фруктовый сад, где обращалась к местным духам, готовясь вернуться в дом. Потом она шла в кухню, длинную низкую комнату, где из кладовки пахло сливой, старым тазом для варенья и благородной подвальной пылью.

Там от рассвета до заката старая нянька рассказывала истории. Кюре она как-то сообщила, что слышала их от бабушки, а Кларе — что их нашептали ей во сне духи Сассо, и малышка понимала, что признание это похоже на правду, ибо слыхала рассказы Паоло, который сам заимствовал их у духов альпийских лугов.

Но в фигурах и оборотах речи рассказчицы она ценила только бархат и напевность ее голоса. Ибо эта простая женщина, которую от полной безграмотности отделяли всего два слова — она умела писать свое имя и название деревни, а молитвы во время службы не читала, но твердила по памяти, — имела дикцию, контрастировавшую с убожеством прихода, затерянного среди отлогих уступов Сассо. Кстати, неплохо было бы знать, что в то время представлял собой горный край Абруцци, где жили покровители Клары: восемь месяцев снега с бурями вперемешку в горных массивах, зажатых между двумя морями, где нередко и в разгар лета можно было увидеть снежные хлопья. А вдобавок еще и бедность — бедность края, где лишь возделывают землю и разводят скот, в теплое время уводя его на горные пастбища. Народу мало, да и то в снежные месяцы почти все уходят, отгоняя скот под солнце Пулии. В деревне тогда можно встретить лишь тружеников-крестьян, которые выращивают темную чечевицу, что приживается только на бедных почвах, и доблестных женщин, которые в суровые зимы посвящают себя заботам о детях, служению Богу

и работе на ферме. Но если ветер и снег обтачивают людей этих земель, как уступы каменных утесов, то еще их формирует поэзия пейзажей, в ледяных туманах альпийских лугов нашептывая пастухам рифмы и рождая из вихрей селения, парящие в небесной синеве.

Вот и в голосе старой женщины, чья жизнь протекла в отрезанной от цивилизации деревне, шуршал шелк, сотканный из роскоши этих пейзажей. Малышка была уверена: именно тембр этого голоса пробудил ее к миру, хотя ее и заверяли, что она в ту пору была лишь голодным грудным младенцем, найденным на верхней ступени церковного крыльца. Но вера Клары не знала сомнений.

Ей сильно недоставало ощущений, провал в кружевной оправе белизны и ветра; зато был звонкий ручей, пронизывавший пустоту. Его журчание возвращалось к ней каждое утро, когда старая нянька будила ее. На самом деле малышка выучила итальянский с поразительной скоростью, но Паоло-пастух по-своему понял то ощущение дара Божьего, которое шлейфом тянулось за ней, — однажды долгим вечером он ласково прошептал ей:

— *Это ты музыку слышишь, да ведь, малышка, — музыку?*

Подняв на него свои синие, как потоки с ледника, глаза, она ответила взглядом, в котором пели ангелы тайны. И жизнь текла по склонам Сассо с медлительностью и насыщенностью тех мест, где все требует труда и точно так же

ОГЛАВЛЕНИЕ

Персонажи	7
-----------------	---

РОЖДЕНИЯ

Малютка из Испанских земель	13
Малышка из Итальянских земель	27

ЛУЧНИКИ

АНЖЕЛА. Черные стрелы.....	45
ГУСТАВО. Голос смерти	63
Вилла Аччиавати. Малый эльфийский совет ..	83
МАРИЯ. Заяц и вебрь	85
ЛЕОНОРА. Столько света	106
Храм Туманов. Малый эльфийский совет	128
ЕВГЕНИЯ. В годину войн.....	129
РАФАЭЛЕ. Такие слуги.....	146
Храм Туманов. Малый эльфийский совет	159
КЛАРА. Пора братья за четки	160
ПЬЕТРО. Великий негодник	168
Вилла Аччиавати. Малый эльфийский совет ..	182
ОТЕЦ ФРАНЦИСК. В том краю.....	184

ОГЛАВЛЕНИЕ

АЛЕССАНДРО. Первопроходцы	199
Храм туманов. Малый эльфийский совет	218
АНДРЕ. К земле	219
ТЕРЕЗА. Сестры Клементе	240
Храм Туманов. Малый эльфийский совет	251
РОЗА. Посланницы небес	252
ПЕТРУС. Друг	266
Храм Туманов. Малый состав Совета Туманов.	278

ВОЙНА

ЭЖЕН. Все мечты	283
Совет Туманов. Малый состав Совета Туманов.	314

Барбери М.

Б 24 Жизнь эльфов : роман / Мюриель Барбери ; пер. с фр. А. Беляк. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 320 с. — (Азбука-бестселлер).

ISBN 978-5-389-10588-1

Героини нового романа Мюриель Барбери «Жизнь эльфов» — две девочки Клара и Мария, это две невероятные судьбы, которых коснулось волшебство. Одна живет в Испании, в селении, затерянном в горах Абруцци, другая — в бургундской деревушке. Обе загадочным образом связаны с миром эльфов. Одна — талантливая пианистка, способная благодаря музыке проникать в незримое, другая наделена особым даром ощущать тайны природы, читать ее знаки, чутко присутствия невидимых созданий. Девочки узнают о страшной угрозе, нависшей над миром людей. Клара и Мария, никогда не встречавшиеся друг с другом, устанавливают между собой связь и, объединив усилия, вступают в битву, от исхода которой зависит и жизнь близких им людей, и само существование человечества.

От автора «Элегантности ежика»!

Новый долгожданный роман великолепной Мюриель Барбери «Жизнь эльфов» впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

МЮРИЕЛЬ БАРБЕРИ
ЖИЗНЬ ЭЛЬФОВ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Редактор Марианна Брусовани
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Светлана Федорова, Маргарита Ахметова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.11.2015. Формат издания 84 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 12 000 экз. Усл. печ. л. 15,6. Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

YABA1861601R